УДК 94(47).063
УДК 94(47).064
DOI: 10.24411/2311-603X-2020-00003

А. В. Фаизов

Аппарат Кабинета министров (1731–1741)

Постановка проблемы

Осенью 1731 г. императрица Анна Ивановна учредила Кабинет Е.И.В., который стал высшим органом государственной власти, а после 9 июня 1735 г. смог подменять императрицу в управлении. Его ведущее положение сохранилось и при императоре Иване VI (до ноября 1741 г.). Кабинет состоял из 2–4 министров, деятельность которых опиралась на определенный аппарат.

Развитие кабинетского аппарата не стало предметом специального исследования, представлено в нескольких отрывистых очерках[1], которые, помимо ценных сведений, включают фактические ошибки[2], концептуальные домысливания[3] или спорные предположения[4]. Другие исследователи, изучавшие проблемы того же исторического периода, о канцелярском аппарате Кабинета либо только упоминают, либо отмечают один факт (разделение канцелярии на «экспедиции» в 1739 г.)[5]. Сложившаяся ситуация делает актуальным анализ темы на основе недостаточно разработанного, при этом формально давно введенного в научный оборот делопроизводства Кабинета[6].

Цель статьи — установить процесс формирования и точки роста аппаратной составляющей Кабинета министров.

Структура канцелярии

На первом заседании Кабинета, 3 ноября 1731 г., было принято решение о назначении часового у дверей, двоих ездовых сержантов «для посылок», двоих сторожей и выделения 2 тыс. р. «на случившиеся расходы»[7]. Был установлен также порядок ведения внутренней документации, но о делопроизводственном подразделении речь не заходила. Канцелярия Кабинета начнет формироваться спустя несколько дней. Возможно, сначала предполагалось, что в новом учреждении, которое должно было докладывать императрице о делах и готовить к подписи указы, секретарями будут сами министры, а подьячих, видимо, собирались призывать из других госорганов. Но вскоре выяснилось, что, несмотря на высочайшее положение Кабинета, при обработке документации, обширным потоком поступавшей на имя самодержицы, не обойтись без штатных делопроизводителей.

Начало канцелярии было положено указом от 8 ноября 1731 г. «о бытии в Кабинете» секретарю Военной коллегии В. Козлову «да из Камер-коллегии камериру» А. Пташкову[8]. Последний будет состоять в должности камерира всё царствование Анны Ивановны и при Иване VI. В какой момент в канцелярии Кабинета появились «приказные», в журналах не отразилось, надо полагать, они были назначены вместе с секретарем и камериром.

В дальнейшем в канцелярии происходили следующие персональные изменения. В журнале от августа 1733 г. впервые упоминается «Кабинета канцелярист» А. Полубояринов, который занимал эту должность до января 1734 г.[9] В июне 1735 г. на место скончавшегося секретаря Козлова был «определен» секретарь Военной коллегии А. Яковлев[10]. Известно, что в марте 1736 г. в канцелярии высшего органа работали: секретарь Яковлев, камерир Пташков и копиисты: А. Суровцев, А. Слатин, Е. Степанов[11]. 9 мая 1736 г. Военная коллегия попросила Кабинет «не отлучать от дел», то есть не забирать в Тайную канцелярию ее канцеляриста И. Пуговишникова. В итоге он не был «отослан» в тайную полицию, но был «определен в Кабинет»[12]. 30 декабря 1736 г. министры назначили копииста А. Суровцова за «прилежные труды» канцеляристом[13]. Копиист Е. Степанов покинул Кабинет в октябре 1739 г., когда был направлен в Сенат «для определения к делам... подканцеляристом»[14].

Кабинет-секретарь Яковлев по указу Анны Ивановны «за непорядочные в делах поступки» был отстранен в сентябре 1739 г. и назначен в Военную коллегию (в фаворе был министр А. П. Волынский, который невзлюбил Яковлева с 1723 г., когда они находились в Астрахани, к тому же Яковлев действовал в интересах министра А. И. Остермана, оппонента Волынского). Одновременно «для порядочнаго исправления... дел» было назначено два кабинет-секретаря: асессор Соляной конторы И. Балбеков и секретарь сенатской канцелярии Я. Бахирев[15]. После начала следствия по делу Волынского, в апреле 1740 г., указом императрицы А. Яковлев был возвращен на должность кабинет-секретаря, «понеже при имеющихся... делах одному секретарю [Бахиреву] исправиться

невозможно». В августе 1740 г. Яковлев «за верныя и прилежныя его службы» получил чин статского советника с жалованьем в 1500 руб. При регенте Э. И. Бироне, в октябре 1740 г., Яковлев как участник заговора против временщика подвергся «жестокому розыску» в Тайной канцелярии. Правительница Анна Леопольдовна в декабре 1740 г. вернула его как «неповинно страдавшего» на место кабинет-секретаря. В январе 1741 г. Яковлев по собственному прошению получил отставку и еще две деревни в «вечное владение». Но с приходом к власти Елизаветы Петровны ему припомнят «наиближайшую конфиденцию» с Остерманом, разжалуют, лишат деревень и отправят в Астрахань гарнизонным писарем[16].

В царствование Ивана VI кабинет-секретарями являлись: А. Яковлев (до января 1741 г.), Я. Бахирев и И. Пуговишников (с 1741 г.).

При канцелярии высшего органа власти «для всегдашних посылок» находились кабинет-курьеры и ездовые гренадеры, которые должны были доставлять его корреспонденцию по России и за границу. Кандидаты на эти места подбирались из солдат гвардии. Так, указом от 11 октября 1733 г. из трех гвардейских полков в курьеры Кабинета были «взяты» 10 человек[17]. При отставке с должностей курьеры и ездовые назначались в полевые полки и жаловались обер-офицерскими чинами[18].

В царствование Ивана VI при Кабинете служили 6 курьеров и 2 ездовых гренадера. В январе 1741 г. Кабинет оповестил фельдмаршала Б. Х. Миниха, что «бывшие... при Кабинете Е. И. В. курьеры и ездовые гренадеры» уволены и «надлежит ныне на их места выбрать из полков лейб-гвардии, из солдат и рейтар... и прислать их в Кабинет», что и было сделано через два дня[19].

Обязанности служителей

Типичные для госорганов того времени должности секретарей, канцеляристов и копиистов нормировались петровским «Генеральным регламентом»[20]. Секретарь должен был: 1) делать доклады перед «Коллегиумом»; 2) помечать на «приходящих письмах и доношениях» номера и даты поступления и докладывать по порядку; 3) следить за «отправлением» документов, из которых важные он «сам сочиняет», а прочие между «канцелярскими служителями... разделяет»; 4) контролировать, «чтоб все отправления... по уставам и резолюциям явственно и ясно изготовлены, и нужныя копии сохранены были»; 5) «Коллегии... о нужном напамятовать»; 6) «над протоколом и Канцеляриею» иметь «надзирание»; 7) быть на рабочем месте «гораздо ранее» членов коллегии, «дабы доношения челобитчиков принимать, також к докладу все приуготовить, и дела, которыя он в руках имеет, в Канцелярии разделить к лучшему оных исправлению». Канцеляристы были обязаны «изготовлять» документы, которые «по реэстру из отправляемых дел от Секретаря повелены», «и те дела, о которых они генеральные формуляры... имеют»; «а что они сами сочинили,

то имеют прежде Секретарю для поправления подавать». «Копиистам надлежит все, что отправляется в Канцелярии, на бело писать».

Должность камерира по петровскому законодательству нехарактерна для центральных учреждений, действовала в 1719–1727 гг. на местном уровне (и в конторе Камер-коллегии)[21]. При Кабинете он осуществлял бухгалтерские функции[22]. По статусу был ниже секретаря и имел в подчинении одного подканцеляриста.

24 июня 1735 г. служащие Коллегии иностранных дел, обер-секретарь И. Юрьев и секретарь К. Бреверн были «пожалованы» «в советники канцелярии» Кабинета «для отправления иностранных дел»[23]. Закрепившись в положении высшего органа (после указа от 9 июня 1735 г.), Кабинет дополнил собственную канцелярию должностью, которая прежде присутствовала лишь в Коллегии иностранных дел, где «канцелярии советники» являлись старшими секретарями, составителями важнейших актов и протоколов секретных заседаний[24]. В Кабинете они вели внешнеполитические дела, компетенция кабинет-секретарей теперь ограничивалась «внутренним» делопроизводством, хотя и ранее на заседаниях с внешнеполитической повесткой документы оформляли секретари Коллегии иностранных дел[25].

Служащие канцелярии (советники, секретари, камериры, канцеляристы), исключая низших подьячих, могли подписывать «сообщения», «записки» с полуофициальными «приказами» министров или объявляли их служителям Сената и центральных органов[26]. Большей частью это были запросы справок и ведомостей, но они могли содержать распоряжения министров и даже императрицы. 22 февраля 1732 г. «в Кабинете чрез секретаря Козлова объявлено, чтоб гг. сенаторы, которым велено присутствовать для разсуждения о пятикопеечниках, изволили в Кабинет для онаго быть в нынешний четверток»[27]. 15 апреля 1735 г. секретарю Полицмейстерской канцелярии Т. Астафьеву в Кабинете «камерир Пташков... объявил, что Е.И.В. указала... содержащегося в... Полицмейстерской канцелярии под караулом польскаго купца Меера свободить, а взять у него реверс, чтоб ему из России в Польшу выехать в указный срок неотменно»[28].

Практика передачи служащими канцелярии «приказов» министров могла повлечь злоупотребления представителей аппарата, но документы, имеющиеся у автора, этого не подтверждают.

Случалось, что секретари или канцеляристы Кабинета выполняли задания министров вне стен своего учреждения. Они доставляли документы, выезжали для объявления высочайших повелений, для записи «мнений» или свидетельств по делу. 30 июля 1733 г. в Петергоф «поутру рано до Е.И.В. отправлен секретарь Козлов» «с реляциями», полученными из Персии[29]. 6 октября 1739 г. канцелярист Пуговишников ездил к заключенному в крепости купцу Свешникову для записи «некотораго словеснаго доношения», которое тот хотел сообщить лично императрице[30].

Дипломатическая переписка, проходившая через Кабинет, обусловливала большой объем переводческой работы. Штатных переводчиков при Кабинете не было, и они привлекались из Коллегии иностранных дел или других структур, а жалованье получали по официальным должностям. В 1741 г. в «иностранной экспедиции» кабинетской канцелярии для перевода «употреблялись» секретари Коллегии иностранных дел: Семенов, Томановский, Шевиус, Мальцов, Поздняков и протоколист Петров, которые затем были возведены в ранг майоров. Кандидаты в переводчики Кабинета отбирались с большой тщательностью. Например, 27 марта 1741 г. министры предписали управлявшему Малороссией генералу Дж. Кейту отобрать на Украине из канцеляристов не менее двух переводчиков с польского и латинского языков. Причем подчеркивалось: «...надобно, чтоб были люди верные, постоянные и не мало в чем подозрительны»[31].

Кроме переводчиков в Кабинет вызывали из других учреждений также подьячих. В 1737 г. «во употреблении» Кабинета были копиисты Коллегии иностранных дел А. Ботвинкин и А. Клишин, с марта 1738 г. «вместо их [были] употреблены при Кабинете у иностранных дел» копиисты М. Сипягин и И. Халезов. С июля 1738 г. копиист А. Клишин «взят в Кабинет по прежнему», и в сентябре этого года он еще оставался в канцелярии высшего органа. В феврале 1739 г. копиист Ботвинкин «паки в Кабинет взят из Коллегии»[32].

В феврале 1741 г. министр М. Г. Головкин приказал обер-секретарю Сената Севергену: «немедленно» набрать «из канцелярских служителей трех человек... которые бы не женаты были, <...> только бы самые лучшие писцы, добрага состояния и трезвые; а ежели из них сыщутся такие, которые, хотя отчасти, по немецки или какого инаго языка знают, то еще лучше было-б; и когда в Сенате таких людей не сыщется, то-б оных из других коллегий и канцелярий выбрав, в Кабинет Е. И.В., как скоро возможно, представить их самих». Севергин отобрал сенатского подканцеляриста Василевского, канцеляриста конторы Коллегии экономии Сафьянникова и подканцеляриста Штатс-конторы Обезьянникова, которые явились в Кабинет 5 февраля и проработали там целый месяц. Эти служащие, видимо, получили высокую оценку министров, ибо последние в марте «разсудили: взятых для некотораго, уже минувшаго, употребления приказных людей определить в секретную экспедицию Коллегии иностранных дел»[33].

Таким образом, постепенно сложившаяся канцелярия Кабинета в итоге включала: кабинет-секретаря (1–2), советников канцелярии (2), камерира (1), канцеляристов (2–4), копиистов/подканцеляристов (3–4), кабинет-курьеров (6–10) и ездовых гренадеров (2). К ее работе временами привлекались переводчики и «приказные» из Сената, Коллегии иностранных дел и других госорганов.

При рассмотрении структуры канцелярии необходимо остановиться на вопросе о должности личного секретаря императрицы, который не состоял

в аппарате Кабинета, но мог выступать посредником между Анной Ивановной и высшим органом.

Кабинетский канцелярист А. Полубояринов стал объявлять министрам волю императрицы с 1733 г. Он был другом обер-прокурора А. Маслова и домашним секретарем Бирона. По рекомендации последнего в январе 1734 г. Полубояринов был назначен Анной Ивановной «в Наши секретари», и с этого времени регулярно сообщал Кабинету ее указы, передавал от императрицы поданные ей челобитные или относил государыне бумаги из Кабинета[34]. Полубояринов исполнял эти функции до своей кончины в октябре 1735 г.

Следующим секретарем самодержицы стал И. Эйхлер. Когда произошло назначение, точно неизвестно, но с ноября 1736 г. и особенно часто в 1739 г. секретарь Эйхлер (креатура министра Волынского) объявлял Кабинету высочайшие распоряжения, приносил от императрицы или передавал ей документы. Например, 9 мая 1738 г. он сообщил министрам «именной словесный указ» выяснить, все ли «казенныя деньги» взысканы «по делу о бывшем кассире Акере»; или в июле 1738 г. объявил другое повеление: запретить продавать привезенные из Китая товары «до возвращения Е.И.В. из Петергофа»[35].

Указом императрицы от 24 октября 1739 г. должность ее секретаря стала именоваться «тайный кабинет-секретарь». Это означало возрождение петровской институции и статусное возвышение самого Эйхлера. 4 февраля 1740 г. Анна Ивановна повысила ему жалованье до 1000 р. Но в конце апреля 1740 г. Эйхлер как «конфидент» Волынского был арестован, а в июне наказан кнутом и сослан на каторгу в Сибирь. Новый тайный кабинет-секретарь до ликвидации Кабинета не назначался[36].

Среди секретарских работников, передававших волю императрицы министрам, в конце 1730-х гг. был также советник канцелярии Бреверн («правая рука» Остермана). Официально Бреверн не являлся секретарем императрицы, тем не менее в 1737–1739 гг. он, наравне с Эйхлером, многократно передавал министрам именные указы, а также приносил им прошения и донесения, поступившие к Анне Ивановне. Так, 31 мая 1737 г. Бреверн «объявил записку своей руки, что Е.И.В. указала» министрам установить, каким образом отставленный из-за «слепоты» капитан Лодыженский «по прибытии в Москву зело скоро вылечился», и «его паки при морском флоте определить». 12 ноября 1739 г. Бреверн «записку отдал» с предписанием «сверху»: «...в Украйну писать, чтоб оттуда... прислали ко двору Е.И.В. битых лосей, оленей, кабанов и прочих к кушанью употребляющихся диких зверей»[37].

За месяц до кончины, 18 сентября 1740 г. Анна Ивановна приказала министрам докладывать ей о делах «как по иностранной, так по внутренней Экспедициям» вместе с Бреверном, который после ареста Эйхлера, видимо, стал секретарем императрицы[38].

Штат

Вскоре после назначения в Кабинет секретаря и камерира именным указом от 13 ноября 1731 г. им было повышено жалованье «против прежних окладов вдвое»: секретарю Козлову до 1000 р., камериру Пташкову до 540 р. в год[39]. По данным за 1732–1733 г., распоряжения о выплатах (по «третям») жалованья кабинет-секретарю и камериру министры отдавали самостоятельно[40].

27 декабря 1736 г. Анна Ивановна подписала штат кабинетской канцелярии, следующего содержания:

Должность	Штатных единиц	Оклад, р.
Секретарь	1	1200
Камерир	1	600
Канцеляристы	2	300
Копиисты	3	120
Курьеры	10	116
Итого	17	3920[41]

3920 р., впервые отпущенные из Штатс-конторы «на жалованье канцелярским служителям» в декабре 1736 г., выделялись и в последующие годы. В последний раз по документам эта сумма была выделена в июне 1739 г.[42] 21 сентября 1739 г. штат кабинетской канцелярии был скорректирован: остался один камерир, число секретарей было увеличено до двух, канцеляристов — до четырех, также четыре стало подканцеляриста, а должности копиистов упразднялись[43]. Изменений в размерах жалованья при этом не произошло; если какие-либо повышения в дальнейшем осуществлялись, то персонально.

Касательно величины жалованья советников канцелярии известно следующее:

К. Бреверн, имевший придворные связи и доступ к императрице, получал сначала только жалованье 1500 р. в год (с июня 1736 г.), после повышения в действительные статские советники (январь 1739 г.) ему было определено жалованье в 2 тыс. р. (май 1739 г.); в период с апреля 1740 по апрель 1741 г. он был президентом Академии наук, за что ему выплачивалось еще 3 тыс. р., после освобождения от этой должности он зарабатывал всего 4 тыс. р.; также случались крупные единовременные премии: в феврале 1740 г. императрица пожаловала Бреверну 10 тыс. р., в августе 1741 г. ему было выплачено еще 6 тыс. р.[44];

И. Юрьев довольствовался положенным по указу от 21 июня 1736 г. жалованьем в 1500 р. в год; в феврале 1740 г. по случаю празднования окончания русско-турецкой войны он был награжден лишь чином статского советника[45].

Служащие Кабинета как представители учреждения, действующего «при Дворе», обеспечивались и довольствием иного рода. Придворная контора высылала в Кабинет: для министров и высших чинов кофе, чай и сахар; для

секретарей, камерира и приказных: пива полведра, полпива и кислых щей по 4 бутылки, меда 2 бутылки и водки четверть кружки[46].

Годовое жалованье курьеров Кабинета по указу от 11 октября 1733 г. насчитывало 98 р. 11 к., по штату 1736 г. оно достигло 116 р.[47] Ездовые гренадеры получали жалованье от своих полков.

Организационные коррективы

Правила внутреннего делопроизводства Кабинета, принятые 3 ноября 1731 г., предусматривали: регистрацию именных указов и резолюций; фиксацию входящих документов и их подшивание по адресантам; ведение трех регистрационных «книг»; протоколирование заседаний и решений Кабинета в «журналах»[48]. В дальнейшем серьезных изменений в нормах деятельности канцелярии не происходило до конца 1730-х гг. 5 июня 1739 г. министр Волынский приказал: «...сочинить в Кабинете немедленно реестр: 1) всем челобитным, росписав порознь, которыя от Е.И.В. сосланы, и которыя приниманы в Кабинете; потому-ж и о доношениях <...>; 2) интересныя дела, касающияся следствия, нерешенныя; 3) челобитничьи партикулярныя дела, подлежащия обидам и неправо о решенных делах»[49]. Ранее по именному указу от 3 ноября 1731 г. для фиксации входящих бумаг, «которыя в Кабинете оставлены быть имеют», было предписано иметь «регистратуру». Распоряжение Волынского уточняло привычный порядок, но являлось одномоментным, дополнение «регистратуры» указанным «реестром» дел не стало общим правилом.

17 июня 1739 г. были формально закреплены устоявшиеся формы документального взаимодействия Кабинета с Сенатом и Синодом («сообщениями»), центральными и местными госструктурами («указами»). 23 августа 1739 г. министры установили новый порядок подготовки канцелярией докладов: из входящих документов, «подлежащих к докладу и ведению гг. кабинет-министров», камерир и канцеляристы должны были «делать краткие экстракты» и подписывать их; затем «те сочиненные экстракты, высмотря секретарю, ежели во всем порядочно сделаны, скреплять и потом докладывать»[50]. Это должно было усилить фильтрацию дел, поступавших на рассмотрение министров, повысить продуктивность «слушания» и принятия решений, хотя усиливало роль аппарата в выработке резолюций.

По указу от 21 сентября 1739 г. «принадлежащия Кабинету дела» было предписано «расписать по экспедициям, дабы впредь конфузии происходить не могли». Кабинетская документация и ее «приказные» были распределены между тремя отделениями канцелярии: 1) иностранных, 2) внутренних и 3) секретных дел[51]. Делопроизводство Кабинета стало более упорядоченным: в документах фиксируются пометы о принадлежности к одной из «экспедиций». После формирования этих подразделений советники канцелярии стали тру-

диться в «экспедиции чужестранных дел». В царствование Ивана VI некие «советники» числились также в «секретной экспедиции»[52], но имена и занятия их остаются неизвестными.

Управление кадрами

Кабинетские служащие как лица, состоявшие при Дворе, имели право на освобождение от постойной повинности. Но случалось, что солдаты помещались также в их домах, или постой там был размещен ранее заселения квартиранта, работавшего при Кабинете, отсюда характерные прошения служителей и распоряжения министров. В марте 1735 г. Кабинет приказал Полицмейстерской канцелярии: «С двора камерира Пташкова, который он нанял у иноземца Бекмана, постой свесть и впредь не ставить». Министры удовлетворили челобитную Юрьева и Бреверна от октября 1735 г., просивших об «увольнении» от постоя их дворов на Васильевском острове. 1 сентября 1738 г. министр Волынский приказал Полицмейстерской канцелярии, «чтоб у кабинетных курьеров, которые свои дворы имеют, постоя не ставили... ежели-б у них своих дворов не было, тоб им самим квартиры дать надлежало». 11 декабря того же года Волынский распорядился: «свести и впредь не ставить» постой на дворе отца кабинет-курьера Н. Титова, где он «сам стоит». В январе 1739 г. министры приказали освободить от постоя двор купца П. Гневышева на Литейной стороне, «понеже тот двор нанял... копиист А. Слатин»[53].

Члены высшего органа занимались и квартирным вопросом подчиненных. Так, в августе 1733 г. в ответ на челобитную канцеляриста Полубояринова Анна Ивановна пожаловала ему «в вечное владение» «старый полицейский двор с... ветхим строением» на берегу р. Мойки. В июле 1735 г. министры распорядились «на Адмиралтейском о-ву на некоторое время отвесть квартиру» для секретаря Яковлева. 6 июля 1737 г. они приказали Полицмейстерской канцелярии выделить двум ездовым гренадерам «в квартиру два покоя»[54].

Бреверн в ноябре 1739 г. просил Кабинет отсрочить до лета назначенный Полицмейстерской канцелярией слом деревянных строений на дворе у купца Я. Гарднера, у которого советник канцелярии «нанял... себе в квартиру дом». Резолюцией министров было предписано: «до будущей весны не ломать»[55].

Секретарю Козлову в мае 1733 г. императрица разрешила продать двор на Васильевском острове и пожаловала место для постройки деревянного дома, в июле того же года ему было дано «на строение» 300 р. В августе 1735 г. министры согласились выделить «порожжую землю, для строения дворов» секретарю Яковлеву и камериру Пташкову. По указу от 21 сентября 1739 г. «комиссия о строениях» должна была выделить «два места» курьерам и ездовым Кабинета «близ преспективой, которая лежит к Невскому монастырю». В июле 1740 г. И. Юрьев также попросил «порожнее место» «для постройки регулярнаго деревяннаго двора», ибо на Адмиралтейской стороне ему приходилось снимать

жилье. Министры запросили мнение по его прошению у «комиссии о Санкт-Петербургском строении»[56].

В марте 1738 г. Бреверн и Юрьев, ссылаясь на резолюцию Кабинета от 1737 г., напомнили Коллегии иностранных дел о выдаче «денег» «на наем на Московской Невы-реки стороне квартир» копиистам Коллегии, «кои употребляются при Кабинете» (Сипягину и Халезову). В сентябре 1738 г. советники канцелярии предписывали выдать «квартирныя деньги» копиисту Клишину[57].

5 сентября 1737 г. штатные кабинетские канцеляристы и копиисты подали прошение «о пожаловании им, для нанимания квартир, денег», но министры отказали. В октябре 1739 г. «канцелярские служители» вновь ходатайствуют «об определении им за всегдашнее в Кабинете бытие и труды на наем квартир денег», как и копиистам, привлекаемым из Коллегии иностранных дел. На этот раз их прошение, видимо, было удовлетворено. Рассматривавший его 13 октября 1739 г. влиятельный министр Остерман резюмировал, «что оным против иностранной экспедиции квартирныя деньги давать надлежит»[58], а мнения Остермана обычно становились основанием для постановлений Кабинета.

Денежные средства на аренду жилья могли выдаваться и кабинет-курьерам, но не все курьеры снимали жилье, и подобные вспоможения не были нормой. Известно, что министры отказали бывшему кабинет-курьеру Ф. Скобельцыну, просившему в апреле 1740 г. «о выдаче ему... квартирных денег, против его братьи, которыя им выданы, а ему не выданы»[59].

Таким образом, вариантами решения министрами квартирного вопроса кабинетских служителей было: предоставление дворов или квартир, выделение земли для постройки жилья, выплата «квартирных денег», размещение на постой в домах «обывателей».

Министры также регулярно рассматривали обращения курьеров и ездовых об отпусках, которые могли предоставляться им ежегодно в среднем на 2 месяца. Так, 10 октября 1734 г. «кабинет-курьер М. Маврин отпущен в дом его, в Новгородский уезд в сельцо Опарино, декабря до 15 числа сего 1734 г. и дан ему пашпорт»[60]. (Паспорта курьерам, отпущенным в отпуск, выдавались за подписью кабинет-секретарей.) Просьбы о предоставлении отпуска направляли в Кабинет и его канцелярские служащие. Например, в ноябре 1739 г. «гг. министры приказали: копииста А. Слатина, по словесному его прошению, отпустить его в деревню, в Новгородский уезд, в Вымоченский погост на три недели»[61].

Помимо представленных выше ситуаций, которые были общими для многих служащих, имели место и более личные обращения. Так, в феврале 1736 г. А. Яковлев просил «определить» его сына «в Кадетский корпус в кадеты», с чем министры, вероятно, согласились[62]. Кроме того, в Кабинет поступали челобитные о выплате полагающегося жалованья от вновь назначенных в него служителей или недавно отставленных, которые министры, как правило, удовлетворяли. Так, они поддержали «покорнейшее доношение» кабинет-секретаря Бахирева, просившего в октябре 1739 г. выплатить жало-

ванье, заслуженное в «бытность... при делах в Пр. Сенате». 19 марта 1739 г. в Кабинет поступило «доношение поручиков Н. Титова, А. Грязнова о выдаче им заслуженнаго жалованья в бытность кабинет-курьерами»[63]. Министры внимательно разбирали донесения других госорганов о кабинетных служителях или личном секретаре императрицы. Например, в реестре входящих за 27 февраля 1739 г. отмечено «доношение... [главы Канцелярии конфискации] Мусина-Пушкина и при том экстракт со мнением его о доимке на отце секретаря Эйхлера»[64]. Скорее всего, решение было положительным для отца секретаря императрицы: если недоимка не была прощена, то, видимо, взыскание было отложено. Многократно приходила в Кабинет с прошениями вдова бывшего секретаря А. Козлова. В октябре 1735 г. министры разбирались в ее финансовом положении, поручая служащим: «...у Козловой жены взять ведомость, во что двор стал». В ноябре 1735 г. в ответ на новое обращение они приказали Штатс-конторе не взыскивать на А. Козловой 100 р. за давнее «повышение ея мужа в чин». В ноябре 1736 г. министры распорядились об освобождении ее двора от постоя «для ея бедности». В январе 1739 г. в Кабинет поступила очередная ее челобитная с просьбой разрешить продажу дома «для нужд и расплаты долгов»...[65]

Выводы

Подведем итог. Начавший развитие в 1731 г. с секретаря, камерира и двух ездовых сержантов аппарат Кабинета со временем увеличивался: «для посылок» назначают 10 курьеров (с 1733 г.), для обработки «иностранных дел» добавлены двое советников канцелярии (с 1735 г.), появляются двое канцеляристов и трое копиистов (к 1736 г.). Заметные изменения произошли в 1739 г.: секретарей стало двое, было назначено четверо канцеляристов, а на смену троим копиистам пришли четыре подканцеляриста. Но состав канцелярии оставался недостаточным для обслуживания высшего органа со сферой компетенции, аналогичной абсолютному монарху, и к ее работе привлекались служители из других центральных структур. Размер жалованья кабинетских служащих возрастал по некоторым позициям, но в основном у тех лиц (например, у Бреверна), которые имели весомые связи. Впрочем, деятельность в пользу явных патронов могла иметь негативные последствия после очередного витка придворной борьбы (судьба Яковлева или Эйхлера).

Канцелярия Кабинета функционировала на основе петровских норм и канцелярских обычаев того времени, регулирующие мероприятия были редкими и паллиативными. Установленные в 1731 г. правила внутреннего делопроизводства были дополнены в 1739 г. формализацией документального взаимодействия с госорганами разного уровня, новым порядком подготовки секретарских докладов и однократным составлением «реестров» для входящих бумаг определенного рода. Тогда же кабинетская канцелярия была разделена на три

«экспедиции» по отраслевому принципу, что закрепилось на практике и стало самой крупной реорганизацией в ее истории.

Работа министров с кадрами (помимо «приказов» по личному составу) в основном состояла в рассмотрении обращений подчиненных по поводу освобождения от постойной повинности и решения квартирного вопроса; реже об устройстве детей в учебные заведения, о прощении недоимок и штрафов и др. Прошения подчиненных министры, как правило, удовлетворяли.

---

1 *Филиппов А. Н.* 1) Предисловие к «Бумагам Кабинета...» Т. 1 // Сборник императорского русского исторического общества (РИО). Юрьев, 1898. Т. 104. С. XL, LIX; История Сената за 200 лет, 1711–1911. Т. 1. СПб., 1911. С. 532–533; 2) Кабинет министров и Правительствующий Сенат в их взаимных отношениях // Сборник правоведения и общественных знаний. Т. 7. М., 1897. С. 15, 33–34, 39; *Строев В. Н.* Бироновщина и Кабинет министров. Ч. 1. М., 1909. С. 80, 89; Ч. 2. СПб., 1910. С. 8, 11, 52–53; *Савельева Е. Н.* Кабинет министров императрицы Анны Иоанновны: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 51–54.

2 *Филиппов А. Н.* Кабинет министров и Правительствующий Сенат... С. 33–34.

3 *Строев В. Н.* Бироновщина и Кабинет министров. Ч. 1. С. 80, 89; Ч. 2. С. 8, 11, 52–53.

4 *Савельева Е. Н.* Кабинет министров императрицы Анны Иоанновны. С. 51–52.

5 *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен: В 15 кн. Кн. X. Т. 20. М., 1963. С. 463; *Парамонов А. С.* О законодательстве Анны Иоанновны. СПб., 1904. С. 63; *Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I. М., 1999. С. 250.

6 Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны: Т. 1–12 / Ред. А. Н. Филиппов // РИО. Т. 104, 106, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130, 138, 146. Юрьев, 1898–1902, 1904–1907, 1909, 1912, 1915; Внутренний быт Русского государства с 17 октября 1740 г. по 25 ноября 1741 г. по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции: В 2 кн. М., 1886. Кн. 2.

7 Бумаги Кабинета... Т. 1. С. 3.

8 Там же. С. 9, 11.

9 Там же. Т. 2. С. 401; Т. 3. С. 22.

10 Там же. Т. 4. С. 229.

11 Там же. Т. 5. С. 143.

12 Там же. С. 195.

13 Там же. С. 654.

14 Там же. Т. 10. С. 365.

15 Там же. С. 296–297.

16 Там же. Т. 11. С. 355; Т. 12. С. 417–418, 470; Внутренний быт... Кн. 2. С. 10–11; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. XI. Т. 21. С. 15, 16, 22, 46, 138, 142.

17 Бумаги Кабинета... Т. 4. С. 324.

18 Там же. Т. 5. С. 502, 592–593; Т. 6. С. 504; Т. 8. С. 450; Внутренний быт... Кн. 2. С. 13.

19 Внутренний быт... Кн. 2. С. 13.

20 Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (ПСЗ). 1649–1825 гг.: В 45 т. / Ред. М. М. Сперанский. СПб., 1830. Т. 6. № 3534.

21 Там же. Т. 5. № 3296, 3466; Ведомость о служащих центральных и местных учреждений. 1726 г. // Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. М., 2007. С. 564. Приложения.

22 Бумаги Кабинета... Т. 5. С. 135; Т. 7. С. 272.

23 Там же. Т. 4. С. 229.

[24] ПСЗ. Т. 6. № 3518.
[25] Бумаги Кабинета... Т. 1. С. 342, 358; Т. 2. С. 320, 368; Т. 4. С. 16–17, 211.
[26] Там же. Т. 2. С. 592; Т. 4. С. 65; Т. 5. С. 72; Т. 6. С. 285, 349; Т. 8. С. 501, 523–524; Т. 10. С. 224, 358, 460, 509, 691; Т. 10. С. 322, 50, 392, 587, 657, 363, 433.
[27] Там же. Т. 1. С. 177.
[28] Там же. Т. 4. С. 127.
[29] Там же. Т. 2. С. 367. См. также: Т. 1. С. 344; Т. 2. С. 89, 362; Т. 6. С. 278.
[30] Там же. Т. 10. С. 335.
[31] Внутренний быт... Кн. 2. С. 11–12.
[32] Бумаги Кабинета... Т. 7. С. 179–180; Т. 8. С. 218–219; Т. 9. С. 138–139.
[33] Внутренний быт... Кн. 2. С. 12.
[34] Бумаги Кабинета... Т. 2. С. 71; Т. 3. С. 22, 235–236, 261; Т. 4. С. 278–279; *Строев В. Н.* Бироновщина и Кабинет министров. Ч. 1. С. 107, 134.
[35] Бумаги Кабинета... Т. 7. С. 374–375; Т. 8. С. 37. См. также: Т. 5. С. 564; Т. 6. С. 285; Т. 8. С. 511; Т. 9. С. 208, 426; Т. 10. С. 335; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. X. Т. 20. С. 675–676.
[36] Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в Санкт-Петербургском сенатском архиве за XVIII век. Т. 2 / Сост. П. Баранов. СПб., 1875. № 7195; Бумаги Кабинета... Т. 10. С. 407; Т. 11. С. 81; ПСЗ. Т. 6. № 3890; Внутренний быт... Кн. 2. С. 10; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. X. Т. 20. С. 686.
[37] Бумаги Кабинета... Т. 6. С. 329; Т. 10. С. 475. См. также: Т. 7. С. 197; Т. 8. С. 489; Т. 9. С. 548; Т. 10. С. 362; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. XI. Т. 21. С. 121, 125.
[38] ПСЗ. Т. 11. № 8243.
[39] Бумаги Кабинета... Т. 1. С. 17.
[40] Там же. С. 135, 499; Т. 2. С. 37, 199.
[41] ПСЗ. Т. 9. № 7137; Т. 44. Ч. 2. С. 36; Бумаги Кабинета... Т. 5. С. 647–648.
[42] Бумаги Кабинета... Т. 9. С. 550.
[43] ПСЗ. Т. 10. № 7907; Бумаги Кабинета... Т. 10. С. 296–297.
[44] Бумаги Кабинета... Т. 5. С. 255; Т. 9. С. 44, 452; Т. 11. С. 359–360, 106; Внутренний быт... Кн. 2. С. 9–10.
[45] Бумаги Кабинета... Т. 5. С. 255; Т. 11. С. 106.
[46] Внутренний быт... Кн. 2. С. 13–14.
[47] Бумаги Кабинета... Т. 4. С. 324; ПСЗ. Т. 9. № 7137.
[48] Бумаги Кабинета... Т. 1. С. 3.
[49] Там же. Т. 9. С. 532–533.
[50] Там же. С. 563; Т. 10. С. 142.
[51] ПСЗ. Т. 10. № 7907.
[52] Внутренний быт... Кн. 2. С. 10.
[53] Бумаги Кабинета... Т. 4. С. 103, 408; Т. 8. С. 198, 477; Т. 9. С. 62.
[54] Там же. Т. 2. С. 401; Т. 4. С. 246–247; Т. 6. С. 417–418.
[55] Там же. Т. 10. С. 499–500.
[56] Там же. Т. 2. С. 204, 217, 334; Т. 4. С. 323–324; Т. 10. С. 296; Т. 12. С. 331–332.
[57] Там же. Т. 7. С. 179–180; Т. 8. С. 218–219.
[58] Там же. Т. 6. С. 543; Т. 10. С. 326, 358.
[59] Там же. Т. 11. С. 358.
[60] Там же. Т. 3. С. 397, 375; Т. 9. С. 118.
[61] Там же. Т. 10. С. 520.
[62] Там же. Т. 6. С. 74.
[63] Там же. Т. 10. С. 346; Т. 9. С. 264. См. также: Т. 6. С. 646; Т. 10. С. 20.
[64] Там же. Т. 9. С. 210.
[65] Там же. Т. 4. С. 412, 451, 464–465; Т. 5. С. 534; Т. 9. С. 22.

References

Bumagi Kabineta ministrov imperatricy Anny Ioannovny: T. 1–12 [Documents of the Cabinet of Ministers of Empress Anna Ioannovna: Vol. 1–12. In Russ.] / Red. A.N. Filippov // Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshestva. Yur'ev, 1898–1902, 1904–1907, 1909, 1912, 1915. Vol. 104, 106, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 126, 130, 138, 146.

FILIPPOV A.N. *Kabinet ministrov i Pravitel'stvuyushiy Senat v ih vzaimnyh otnosheniyah* [The Cabinet of Ministers and Governing Senate in their mutual relations. In Russ.] // Sbornik pravovedenia i obshestvennyh znaniy. Moscow, 1897. Vol. 7. P. 1–61.

Istoria Senata za 200 let, 1711–1911 [History of the Senate for 200 years, 1711–1911. Vol. 1. In Russ.]. St. Petersburg, 1911. Vol. 1.

KAMENSKY A.B. *Ot Petra I do Pavla I* [From Peter I to Paul I. In Russ.]. Moscow, 1999.

Opis' vysochajshim ukazam i poveleniyam, hranjashimsya v Sankt-Peterburgskom senatskom arhive za XVIII vek. [Inventory to the highest decrees and orders, stored in the St. Petersburg Senate Archive for the 18th century. In Russ.]. Vol. 2 / Sost. P. Baranov. St. Petersburg, 1875.

PARAMONOV A. S. *O zakonodatel'stve Anny Ioannovny* [About the legislation of Anna Ioannovna. In Russ.]. St. Petersburg, 1904.

PISAR'KOVA L.F. *Gosudarstvennoe upravlenie Rossii s konca XVII do konca XVIII veka. Prilozheniya* [State Administration of Russia from the end of the 17th to the end of the 18th centuries. Applications. In Russ.]. Moscow, 2007. P. 549–725.

Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie pervoe. 1649–1825 gg.: V 45 t. [Complete collection of the laws of the Russian Empire. First edition. 1649–1825: In 45 vol. In Russ.] / Red. M.M. Speranskiy. St. Petersburg, 1830. T. 5–11, 44. Ch. 2.

SAVEL'EVA E.N. *Kabinet ministrov imperatricy Anny Ioannovny: Dis. ... kand. ist. nauk.* [The Cabinet of Ministers of the Empress Anna Ioannovna: Thesis of the PhD in hist. sciences. In Russ.]. Moscow, 2004.

SOLOV'EV S.M. *Istoria Rossii s drevneshih vremen: V 15 kn.* [History of Russia since ancient times: In 15 books. In Russ.] / Otv. red. L.V. Cherepnin. Moscow, 1963. B. X–XI. Vol. 20–21.

STROEV V.N. *Bironovshina i Kabinet ministrov.* [Bironovshina and the Cabinet of Ministers. In Russ.]. Moscow, 1909. Ch. 1; St. Petersburg, 1910. Ch. 2.

Vnutrenniy byt Russkogo gosudarstva s 17 oktjabrya 1740 g. po 25 noyabrya 1741 g. po dokumentam, hrayashimsya v Moskovskom arhive Ministerstva yusticii: V 2 kn. [Internal life of the Russian state from October 17, 1740 to November 25, 1741 according to the documents, stored in the Moscow archive of the Ministry of Justice: In 2 books. In Russ.]. Moscow, 1886. B. 2.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

А.В. Фаизов. Аппарат Кабинета министров (1731–1741) // Петербургский исторический журнал. 2020. № 1 (25). С. 37–51

Аннотация: Проблема развития аппарата Кабинета Е.И.В. — специфического высшего органа государственной власти — не получила целостного раскрытия в науке. Особенно актуальным является ее анализ на основе кабинетского делопроизводства, которое как источник введено в научный оборот в значительной степени формально, изложенные в нем факты оказались недостаточно востребованными. В статье рассмотрены должностная и персональная структура, обязанности служащих, штат и размеры жалованья, меры по упорядочиванию работы и направления кадровой политики министров. Сделаны выводы о количественных изменениях в составе кабинетского аппарата, о характере организационных преобразований канцелярии, об отношении министров к прошениям подчиненных служителей.

Ключевые слова: Кабинет министров, министр, канцелярия, аппарат, кабинет-секретарь, камерир, советник канцелярии, канцелярист, копиист, кабинет-курьер, тайный кабинет-секретарь.

FOR CITATION

A. V. Faizov. The office of the Cabinet of Ministers (1731–1741) // Petersburg historical journal, no. 1, 2020, pp. 37–51

Abstract: The problem of the development of the office department of the Cabinet of Ministers — it was a specific supreme body of state power, — has not received a complete opening in historical science. Its analysis on the basis of cabinet office documentation is relevant especially, because these published documents as a source are put into scientific circulation to a large extent formally, facts, set out in it, are demanded not enough. The article considers next questions: official and personal structure, duties of employees, staff and salary levels, reorganization measures and directions of personnel policy of the ministers. As a result of the study, author has obtained conclusions about the quantitative changes in the composition of the Cabinet's office, about the nature of the organizational transformations of it, about the attitude of ministers to the subordinate employees' petitions.

Key words: Imperial Cabinet of Ministers, minister, office, cabinet-secretary, kamerir, office counselor, clerk, copyist, cabinet-courier, secret cabinet-secretary.

Автор: **Фаизов, Артем Валерьевич** — к. и. н., специалист по проблемам функционирования высших органов государственной власти Российской империи в послепетровскую эпоху, Санкт-Петербург.

Author: **Faizov, Artyom Valer'evich** — PhD, historian.

E-mail: historian2005ad@yandex.ru

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3264-1780